

Тата Алатова

Идеальная Эльза

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Редактор серии *В. Горюнова*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© Alexander Ryabintsev / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алатова, Тата.
А45 Идеальная Эльза / Тата Алатова. — Москва : Эксмо,
2023. — 416 с

ISBN 978-5-04-186950-2

Эльза Лоттар умна и амбициозна. Ее внезапное появление в обществе старого богача Гё и стремительное продвижение по службе порождают множество домыслов и пересудов. Лишь коммерсант Кристиан Эрре не спешит с выводами — он догадывается, что девушка не так уж проста, ведь с ее участием господин Гё, его главный конкурент, стал богаче быстрее, чем когда-либо.

После смерти старика Кристиан нанимает Эльзу в качестве личного помощника, и весь город замирает в ожидании: эта девица приумножит капиталы нового хозяина или же разрушит его бизнес, брак и жизнь?

В очередной раз Эльза сумеет всех удивить...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186950-2

© Алатова Т., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

— Кто ты такая? — лохматый старик склонялся над Эльзой, цепко удерживая ее за плечо, и его глаза впивались в нее со злостью и угрозой.

— Не знаю, — подумав, ответила Эльза.

Она могла бы сказать свое имя — но оно никак не ответило бы на этот вопрос.

Могла бы называть свой возраст — что-то между двенадцатью и четырнадцатью, по соображениям самой Эльзы, — но это тоже бы не помогло.

Возможно, нужно было сообщить, что ее прислали из «Приюта любви и послушания», но это и без того было понятно по ее форменному платью.

Жизнь изменилась этим утром, когда Эльза мыла окна в кабинете директрисы, мадам Дюваль. Дверь вдруг распахнулась и пропустила внутрь невероятной красоты молодую даму в пышном платье, украшенном розами.

— Я больше не могу! — заломив белоснежные руки, воскликнула дама и изящно опустилась на кушетку. — Этот старик меня сведет в могилу.

— Господину Гё снова нездоровится? — спросила мадам Дюваль.

— Он опять выгнал всю прислугу и зарастает грязью в своей берлоге, — досадливо произнесла дама. — Иногда мне кажется, что он просто не выносит людей. Ах, мадам Дюваль, миленькая! Может, вы одолжите мне ко-

го-нибудь из ваших воспитанников? Отец столько денег тратит на этот приют, уж пойдите и вы навстречу. Даже у бессердечного дельца не хватит духа выставить сиротку на улицу! Только подберите из тех, кто посообразительнее и послушнее!

Самой сообразительной и послушной в приюте была Эльза. Ее даже никто особо не поколачивал — с тех пор как Ганс-задира попытался это сделать и даже кулак занес, а Эльза ему возьми и скажи: «Господин Ганс, да у вас же рубашка порвалась. Хотите, я ее зашью, да так аккуратно, что никто и не заметит, что там была дырка?»

Ганс так изумился, что драться передумал, а вечером смущенно принес Эльзе рубашку. Марта, чья кровать была совсем рядом, прошептала, глядя на то, как Эльза старательно шьет при свете свечи:

— Ох и хитрая ты, Эльза!

6

Эльза покачала головой, нанося стежки. Она не считала себя хитрой, просто ей нравилось хорошо учиться и не нравилось, когда ее лупят.

Поэтому она исправно посещала уроки физических упражнений, которые для девочек были необязательны, а потом уговорила Ганса научить ее драться. Никогда же заранее не знаешь, что пригодится тебе в будущем, а Эльза не сомневалась в том, что будущее у нее выйдет интересным.

Любовь к чтению разбудила фантазию, уроки домоводства приучали к труду. Эльзе было несложно помочь кухарке с ужином, садовнику с розами или помыть мадам Дюваль окна — потому что посмотрите, какими они стали пыльными.

Она была любимицей учителя математики, молодого господина Фейсара, с которым они частенько засиживались после уроков, решая сложные задачи. Он гладил ее по косичкам и угощал яблоками, и Эльза всегда благодарила его с простодушной улыбкой.

Господин Фейсар говорил, что от улыбки Эльза становится красивой, и иногда она после этого долго смотрела на себя в зеркало. Красивая? Некрасивая? Обыкновенная, честно решала Эльза, но несколько не огорчалась от такого вердикта.

Красивым в приюте было куда хуже.

На прощание ей выдали узелок с вещами: там были ночная рубашка, платье, смена белья и запасные башмаки. Провожал Эльзу садовник, господин Фридрих. Они долго плутали по узеньким улочкам, пока не нашли скрюченный домишко, стоявший будто в отдалении ото всех.

— Ну, ступай, девочка, — сказал господин Фридрих и сунул Эльзе несколько монеток.

Она прошла по кривой тропинке заросшего сада, толкнула тяжелую дверь, которая оказалась приоткрытой, и очутилась в сумрачном холле с высоким потолком. Широкая лестница из темного дерева вела наверх, дверь по левую руку была распахнута, и Эльза тихо заглянула в одну из них, остолбенев от количества книг.

И в эту минуту зловещий высокий тощий старик схватил ее за плечо и спросил, нависая над ней:

— Кто ты такая?

— Я не знаю, — ответила Эльза, прямо глядя на него снизу вверх, и этот ответ неожиданно заставил господина Гё фыркнуть.

— Разума тебе не занимать, — проворчал он. — Люди то и дело говорят про себя всякие глупости.

— Я пришла о вас позаботиться, — сообщила Эльза, припомнив напутствие мадам Дюваль.

— Вот как, — он насмешливо окинул взглядом ее приютское платье. — Стало быть, моя ненаглядная дочь Анна выпросила тебя у мадам Дюваль? Я не люблю досужих разговоров и лишнего шума, заруби себе на носу.

И не смей заходить в мой кабинет, это вон та дверь в углу. А в остальном копошись тут на свое усмотрение.

Эльза не отводила глаз от его тяжелого подбородка, чуть выступавшего вперед, огромного кадыка, длинного носа, лохматых бровей. Он выглядел свирепым, но не вызывал у нее страха.

От господина Гё приятно пахло чем-то полынно-горьким, вовсе не так, как от других стариков. Эльза помнила приторно-удушливый запах болезни и старости — по воскресеньям они часто навещали бедняков, потому что мадам Дюваль верила в пользу благотворительности.

Эльза знала, что господин Гё был одним из главных попечителей приюта, иногда на праздники она мастерила для него благодарственные открытки, но прежде никогда не видела его лично.

И теперь он казался ей непостижимо великим — очевидно, он был богат, силен и знал, чего хотел.

8

Эльза хотела быть кем-то похожим на господина Гё — только без кадыка, пожалуйста.

Наконец он отпустил ее плечо и пошел наверх, а Эльза, прижимая к себе узелок, осмотрелась на первом этаже.

Здесь была кухня и за ней комнатка с кроватью и грязным бельем. Наверное, она предназначалась для прислуги, и Эльза решила занять ее. Она открыла окно, чтобы избавиться от запаха затхлости. Снаружи был сад, и тяжелая ветка с еще зелеными сливами манила к себе. Но Эльза не стала есть зеленых слив, как это иногда делали другие приютские дети. В поносе нет ничего хорошего.

Еще здесь были библиотека с книгами, столовая и небольшая гостиная. К кабинету Эльза даже близко не подходила — она вовсе не собиралась нарушать прямой запрет. В сказках героиням то и дело говорили: только не ходи в тайную комнату, — и они лезли туда первым делом. Эльза презирала этих идиотов и всегда сердилась, что они выходили сухими из воды.

К послушанию их приучали в приюте мудрым словом и розгами. Эльзе досталось только однажды, но этого хватило, чтобы сделать выводы. Ради чего демонстрировать свой характер? Ради наказания?

Нет, этот путь только для дураков.

Она вернулась на кухню. Все в доме было присыпано тонким слоем пыли, а здесь еще и жира. Понадобилось не меньше трех часов и двух ведер нагретой воды, чтобы отмыть все столы, стены, полы и посуду.

В кладовках нашлись запасы продуктов, и Эльза поставила вариться немудреную похлебку. Она знала, что богачи предпочитают другую еду, вроде трюфелей или устриц: Марта, которая когда-то жила в роскоши, говорила об этом с придыханием.

Но Эльза даже не поняла, что это такое.

С новым ведром теплой чистой воды она прошла в столовую и первым делом помыла там окна, впуская яркий свет.

9

Эльза обожала мыть окна: ей казалось, что мир становится чище и понятнее. С трудом стащив тяжелые пыльные портьеры, Эльза уволокла их в прачечную и решила, что поужинать господин Гё сможет и без них. Закончив с уборкой, она тихо поднялась на второй этаж и позвала:

— Господин Гё! Могу я накрыть ужин?

— Ужин? — его голова высунулась из-за одной из дверей. — С каких пор в этом доме подают ужин?

Это было непонятно, и Эльза замолчала. Учитель математики, господин Фейсар, поучал ее: если не знаешь, что делать, не делай ничего. Замри, пока не найдешь решения задачи. Не надо плодить ошибки.

И теперь Эльза не знала — рассердился ли господин Гё или просто удивился.

— Спущусь через пятнадцать минут, — сказал он и хлопнул перед носом Эльзы дверью. Она перевела дух и опрометью бросилась на кухню.

Перемены в жизни были слишком стремительными, чтобы Эльза могла как следует их обдумать. Она была рада покинуть приют, но что ждет ее теперь? Господин Гё казался слишком старым, чтобы делать с Эльзой всякие мерзкие вещи, но приютский священник тоже был старым.

Мадам Дюваль оберегала непорочность своих подопечных. В здание, где жили девочки, запрещено было входить не только приютским мальчишкам, но и воспитателям-мужчинам, однако в прошлом году у пятнадцатилетней Агаты вдруг принялся стремительно расти живот. Ее быстро увезли из приюта, а мадам Дюваль собрала всех девочек в столовой и сделала им строгое внушение. «Вы не должны позволять себя трогать, — сказала она, — а если кто-то посмеет это делать без вашего согласия, то немедленно сообщите мне».

Тогда тихоня Клара неожиданно для всех подняла руку и прерывающимся от ужаса голосом сообщила, что отец Картер трогал ее груди.

10

Мадам Дюваль назвала ее лгуньей и назначила десять ударов розгами.

Многие девочки могли подтвердить слова Клары, но розги есть розги, и все молчали.

Так Эльза поняла, что взрослые говорят одно, а делают совсем другое.

Пока она слишком мало знала о господине Гё, чтобы решить — к добру или к худу приведет ее новая жизнь. Но она решила стать очень полезной и очень послушной, потому что в приюте у нее не было своей комнаты и там все время приходилось держать ухо востро.

Эльза была не из тех, кто попадает в неприятности благодаря своей глупости, но иногда неприятности нападали на нее сами по себе.

Господин Гё появился ровно через пятнадцать минут — Эльза следила по огромным напольным часам. Она быстро поставила перед ним сияющую чистотой

тарелку и налила из фаянсового супника похлебку. Придвинула тарелки с нарезанным сыром, мясом и хлебом. Стакан компота. Чашку чая. Бокал вина. Чтобы на выбор.

Господин Гё посмотрел на это со странным выражением лица, но взял ложку и начал есть.

Эльза стояла чуть позади и сбоку, не спуская с него внимательного взгляда, готовая выполнить любое поручение.

Но он не произнес ни слова. Съев все до капли и не притронувшись к напиткам, господин Гё поднялся и направился к выходу. На пороге вдруг остановился:

— Что насчет твоего жалования?

Эльза слотнула. Мадам Дюваль ни о чем таком не говорила, но иногда приходилось действовать на свой страх и риск.

— Три гульдена в неделю, — спокойно сказала Эльза, хоть сердце ее и колотилось — не слишком ли много она захотела? — И пять гульденов на продукты и бытовые мелочи — у вас тут шаром покати.

— Я буду оставлять тебе мелочь на каминной полке, — кивнул господин Гё. — Среди недели я встаю в пять утра и завтракаю кофе и тостами. Возвращаюсь около десяти вечера, и мне нужно что-то легкое, вроде твоей похлебки. И держи в порядке мою одежду, Анна часто жалуется, что я выгляжу неопрятно.

— Я все поняла, господин Гё, — склонила голову Эльза.

Прошло три месяца, прежде чем они заговорили друг с другом снова.

Жизнь Эльзы стала размеренной и понятной. Она вставала в четыре тридцать утра, чтобы нагреть господину Гё воды для умывания и сварить кофе.

После завтрака он обычно уходил на целый день, а Эльза со всех ног неслась в приют, торопясь на уро-

ки, которые начинались в восемь. Мадам Дюваль только спросила ее, не против ли господин Гё, а Эльза соврала, что не против.

После обеда она обыкновенно шла на рынок за продуктами и к четырем часам возвращалась в скрюченный домишко. На то, чтобы убраться, приготовить нехитрый ужин, постирать и поухаживать за одеждой господина Гё, уходил остаток дня.

Она чинила его сюртуки — из добротной ткани, но не слишком новые. Гладила рубашки. Чистила обувь. Наверное, господин Гё был человеком привычки и не больно-то падок на модное и новехонькое. Но Эльзе нравилось, что благодаря ее усилиям эти вещи выглядели куда приличнее.

Она стирала постельное белье и шторы, таскала тяжелые ведра с водой для ванн господина Гё. Иногда по вечерам ее руки ломило, а спину тянуло, но она вставала и все равно торопилась через весь город на уроки.

12

Тайком Эльза таскала книги из библиотеки. Сентиментальные романы и всякие приключения не впечатляли ее — куда с большим интересом она читала про экономику и торговые войны, благо такой литературы здесь было предостаточно.

Эльза мечтала однажды открыть свою собственную лавку. Ей было неважно, чем торговать: мануфактурой, бакалеей или рыбой. Главное — чтобы она распорядилась там по собственному разумению.

Как-то, когда она чистила картошку, в дверь постучали. Эльза даже не сразу поняла, что это за звук — клац! клац! Никогда еще к ним не приходили гости, а господин Гё пользовался своим ключом.

А потом она с опаской выскользнула в холл и едва приоткрыла тяжелую дверь, накинув внушительную на вид цепочку.

На пороге стоял незнакомый мужчина примерно сорока лет с усталым некрасивым лицом и фигурой, похожей на бочонок.

— Сиротка господина Гё, — произнес он с таким видом, будто унюхал тухлятину. — Впусти меня в дом, мне нужно кое-что забрать из кабинета.

— Но кто вы? — спросила Эльза, нахмурясь.

— Меня зовут господин Корбл, — ответил он раздраженно. — Я секретарь господина Гё. Мне срочно надо привезти ему важные бумаги.

— Господин Гё не предупреждал меня, — строго сказала Эльза, не зная, как поступить. Ей очень не хотелось пускать незнакомца в дом и тем более в кабинет.

— Господи боже мой, как бдительная маленькая сторожевая собачка, — вдруг засмеялся господин Корбл. — Так что же мы будем делать? Господин Гё очень рассердится, если не получит своих бумаг.

— Дайте мне адрес и объясните, где лежат бумаги. Я сама их отнесу, — решила Эльза.

— А если я подкараулю вас за углом и отберу эти бумаги? — еще пуще развеселился господин Корбл.

Эльза скрестила руки на груди.

— А вы только попробуйте что-нибудь отобрать у человека, который вырос в сиротском приюте, — холодно сказала она.

Господин Корбл так и покатился со смеху. Но все же объяснил, как выглядят и где лежат бумаги, с важным видом наказав не потерять их по дороге — а то с них обоих шкуру спустят.

Вылезая из окна прачечной, Эльза поняла, что она в ужасе. За один день она дважды послушалась господина Гё: вошла в кабинет и не отдала бумаги его секретарю. Но уж лучше розги, чем излишняя доверчивость. Кто угодно мог представиться помощником господина Гё — хороша была бы Эльза, если бы уши развесила.

Она выбралась на другую улицу — не ту, где остался господин Корбл, — и тут же взяла экипаж, назвав ему адрес конторы.

Эльза два раза проехала вдоль нее, не решаясь выйти, ведь адрес тоже мог быть ловушкой!

Но вывеска «Торговое предприятие Абельхарда Гё» немного успокоила Эльзу. Наконец она покинула надежную кабинку экипажа и опрометью вбежала внутрь.

Ее тут же остановил грозный швейцар на входе.

— Ку-у-уда, малявка! — рявкнул он.

Эльза гордо выпрямилась.

— Мне нужно срочно видеть господина Гё, — сказала она спокойно. — Я привезла ему бумаги из дома.

Швейцар вылупился на нее во все глаза.

— Кто ты такая? — спросил он, и Эльза вспомнила, как ровно такой же вопрос ей задал во время первой встречи господин Гё.

14

Это воспоминание придало ей сил, потому что, по правде говоря, ноги под длинным платьем едва не подгибались.

— Эльза Лоттар, — произнесла она со значением и расправила плечи. — Господин Гё не любит ждать.

И она потрясла папкой с документами у него перед носом.

Сейчас нельзя было показывать страха или растерянности. Это как с дикими собаками: никакой слабости.

Ее уверенность поколебала швейцара. Он ошарашенно покачал головой, а потом проговорил:

— Я сам тебя провожу. Если ты надула меня — лично всыплю тебе по первое число.

— Договорились, — кивнула Эльза.

Она шла за ним, ничего не видя вокруг. Угроза «всыпать по первое число» казалась куда менее страшной, чем возможный гнев господина Гё.

Они поднялись по широкой лестнице, прошли коридором, а потом швейцар постучал и с неожиданной робостью произнес:

— Господин Гё, к вам тут сиротка какая-то. Говорит, что привезла документы из вашего дома.

— Эльза Лоттар, не сиротка, — поправила она его и шагнула вперед.

Господин Гё сидел за заваленным бумагами столом и смотрел на нее удивленно.

— Эльза Лоттар, — повторил он. — Так вот как тебя зовут.

ГЛАВА 2

Господину Гё нездоровилось вот уже три дня — свои детство и юность он провел впроголодь, и теперь желудок все чаще подводил его.

В такие дни Эльза варила ему скользкие каши и не ходила на уроки, боясь оставить своего нанимателя без пригляда.

Каким-то невероятным образом боль в животе отзвывалась в его ногах, и Эльза подолгу просиживала на полу возле его кресла, массируя сведенные мышцы икр.

Это не вызывало ни отвращения, ни брезгливости. В господине Гё ей нравилось все — и его резкий голос, и крупные руки, и кустистые брови, и даже большой кадык.

За последние два с половиной года она очень привыкла к нему и теперь могла быть полноценной сиделкой, если бы такое понадобилось.

Их отношения были такими же молчаливыми. Нелюбовь господина Гё к досужим разговорам с возрастом лишь возрастала, и порой они месяцами не говорили друг другу ни слова.

Но кое-что все-таки изменилось в тот день, когда несколько недель назад господин Гё вдруг заехал в приют

к мадам Дюваль и увидел среди склонившихся над тетрадями учеников Эльзу.

Мадам Дюваль он ничего на это не сказал, но вечером устроил Эльзе настоящий разнос.

— Так-так, мелкая мошенница, — проскрипел господин Гё. — Так-то ты обо мне заботишься?

Эльза мышкой замерла перед ним, думая о том, что она не переживет, если ее вышвырнут вон. Жизнь в скрюченном домишке была спокойной и мирной. Здесь никто не обижал ее, не угрожал и не делал каверз.

Она засыпала совершенно спокойно и даже перестала прятать под подушку ножницы для шитья. Не боялась, что в столовой кто-то из старших отнимет ее ужин. А кроме того — кошелечек с деньгами неуклонно становился тяжелее. Эльза не тратила свое жалование ни на ленты, ни на конфеты, чужды ей были и развлечения на ярмарках. Господин Гё оставлял достаточно на ведение дома, чтобы изредка она могла позволить себе купить ткани на новый фартук или карандаши.

И вот теперь все ее благополучие повисло на тоненькой ниточке.

— Но ведь, — пролепетала Эльза, подавленная язвительностью господина Гё, — чем я умнее, тем полезнее для вас.

— Что мне проку от твоей образованности? — фыркнул он.

— Одну минутку, господин Гё! — воскликнула Эльза и побежала к себе в комнатку, откуда вернулась с толстой тетрадкой расходов и доходов. Она положила ее на стол и принялась разъяснять, стараясь говорить как можно спокойнее и не частить:

— Вы даете мне пять гульденов в неделю на ведение хозяйства. Из них я трачу на продукты не более трех, потому что умею находить лавки, где дешевле и свежее. Раз в два месяца я отправляюсь на товарную биржу на

площади Трех портов, где покупаю векселя молодых предприятий. Спустя уже несколько месяцев они обычно растут в цене, и их можно продать, получив с каждого потраченного гульдена от тридцати пфеннигов до трех гульденов. На эти деньги я покупаю вам новые рубашки и галстуки, на которые вы не обращаете, правда, ни малейшего внимания. Вот здесь все записано, — и Эльза подвинула господину Гё тетрадки.

— Торговые биржи — пристанище спекулянтов! — гневно возразил он. — Сборище проходимцев...

— Да, — кивнула Эльза, — но туда часто приходят те, кому не хватает капиталов для открытия своего дела. Понятно, что очередная рыболовная компания быстро прогорит, потому что в этой отрасли высокая конкуренция и новичков там топят всем скопом, но вот поставки мрамора в этом году пользуются высоким спросом, после того как госпожа Саттон воздвигла себе дворец прямо в центре города. Однако долго держать при себе такие векселя чревато — мода слишком быстротечна.

— Откуда ты все это знаешь, девочка? — спросил господин Гё, быстро листая тетрадь.

— Я читаю ваши газеты и много времени провожу на рынке и в порту, — ответила Эльза, решив, что ей больше нечего терять.

— Значит, — заключил господин Гё, — за последние два года ты получила девять выплат на общую сумму в пятьдесят восемь с половиной гульденов.

— Именно так, господин Гё.

Он задумчиво пожевал губы.

— Как ты смотришь на то, если я буду выдавать тебе на этокое баловство пятьдесят гульденов в месяц?

— Тогда мы сможем лучше понять принцип работы торговой биржи, — ответила Эльза робко, ожидая, что над ней всего лишь посмеются. Насколько она успела понять, коммерсанты старой закалки вроде господина

Гё не больно-то жаловали все эти акции и векселя. Они привыкли к настоящим деньгам, а не к бумажкам.

— В таком случае, — произнес господин Гё, захлопывая тетрадь, — я хотел бы выдать тебе твою часть прибыли — пятнадцать гульденов. Купи, наконец, себе два нормальных платья, от твоего сиротского наряда у меня повышается выделение желчи.

И хоть Эльзе было ужасно жалко тратить так много денег на стариковскую прихоть, она именно так и сделала.

И вот теперь в красивом новом платье она сидела у ног господина Гё, делая ему массаж. В эту минуту вдруг забарабанил дверной молоточек. Эльза вскинула вопросительный взгляд вверх, и господин Гё скривился.

— Только если это действительно важно, — с неудовольствием проронил он.

Эльза встала и направилась в холл, чуть приоткрыла дверь и тут же распахнула ее настежь, потому что на пороге стояла прекрасная госпожа Анна, младшая дочь господина Гё.

— Добрый вечер, — проговорила Эльза благовопитанно, провожая гостью в гостиную, а в ответ удостоилась лишь недовольного оценивающего взгляда. Они не виделись с того самого дня в приюте, когда госпожа Анна попросила какую-нибудь послушную сиротку у мадам Дюваль. Вряд ли Эльзу тогда вообще запомнили. — Господин Гё не слишком хорошо себя чувствует.

Они вошли в гостиную, и господин Гё немедленно рассердился.

— Я же сказал — действительно важно! — воскликнул он.

— Папа, вы не появлялись в конторе уже несколько дней, и мы все беспокоимся...

Эльза отступила, намереваясь оставить их одних, но господин Гё обжег ее злым взглядом и кивнул на подушечку у ног.

И хоть это и было неловко, Эльза опустила на пол и вернулась к своему занятию. От такого возмутительного нарушения приличий госпожа Анна немедленно замолчала.

— Не стоило тебе волноваться, — холодно ответил господин Гё, — на твоём содержании мои старческие немощи никак не отразятся.

Эльза уже знала, что госпожа Анна больше всего боялась смерти отца, потому что не была уверена, что ее старшие братья, наследники империи Гё, оставят ее более чем щедрое содержание на том же уровне.

Господин Гё не был близок с детьми. Эльзе даже казалось, что он едва их выносил, поскольку всегда отзывался о них с гримасами и с едкими эпитетами.

— Ах, что вы говорите... — пролепетала госпожа Анна и добавила с раздражением: — Папа, вы не могли бы убрать свои постыдные увлечения подальше с моих глаз!

19

Эльза не дрогнула. Она предполагала, что ее отношения с господином Гё могут быть истолкованы превратно, но это ее совершенно не расстраивало.

— У меня болят ноги, — кратко ответил господин Гё. — Хочешь сама мне сделать массаж, милая моя Анна?

— Значит, надо срочно вызвать лекаря, — поспешно отозвалась она. — Милочка, сбегайте за господином Тедриком, что живет на Горшочной улице.

Эльза снова подняла глаза на господина Гё, ожидая его указаний, и насмешливый изгиб его губ был более чем красноречивым ответом. Поэтому она лишь молча склонила голову, ничего не ответив.

— Кажется, вы не были немой, — прикрикнула на нее госпожа Анна.

— Простите, моя госпожа, — ровно ответила Эльза, — но я выполняю лишь прямые поручения господина Гё и никого больше.

Гостья на некоторое время замолчала, словно раздумывая, как на такое реагировать, потом спросила отца:

— Откуда ты вообще притащил эту девицу?

— Ты сама мне ее прислала, — ехидно ответил господин Гё.

Визит госпожи Анны был крайне непродолжительным. Закрыв за ней дверь, Эльза помогла хромающему господину Гё подняться в его спальню и положила к его ногам грелку.

— Важно — это Корбл или кто-нибудь другой из конторы, — проворчал господин Гё, — а вовсе не эти пиявки, мои дети.

— Простите, — смиренно ответила Эльза и направилась к выходу.

— Послушай-ка, — окликнул ее господин Гё, — ты ведь завершаешь обучение в приюте в следующем месяце?

Эльза удивилась тому, что он знает о таких мелочах.

— Да, господин Гё.

— Не хочешь ли ты обучиться настоящему делу? — спросил он сухо. Эльза замерла, вся превратившись в слух. — Поработаешь на меня, девочка, поймешь, что к чему в настоящей коммерции. Это не твои игрушки с векселями. Только начнешь с самого низа.

— Да, господин Гё, — прошептала ослабевшая от счастья Эльза. — Я готова служить кем угодно, господин Гё.

Эльза впервые увидела Кристиана Эрре в тот день, когда принесла ему огромный букет роз. Она изрядно изранилась о шипы, пока тащила его.

К тому времени Эльза работала посыльной в Торговом предприятии Абельхарда Гё около полугода и за это время успела понять, что не все поручения бывают безопасными. У господина Гё было довольно скверное чувство юмора.

Например, однажды Эльзе пришлось доставить госпоже Анне прекрасное кольцо, в котором до этого блистала известная куртизанка. В тот день дочь старика Гё с таким гневом отшвырнула от себя украшение, что глубокая ссадина от бриллиантов заживала на лице Эльзы едва не с месяц.

В другой раз ей нужно было отнести солидный мешочек с деньгами, и Эльза чуть не умерла от страха и подозрительности, что ее вот-вот ограбят.

Однако она не возражала, какими бы причудливыми ни были задания господина Гё.

Иногда ей казалось, что он испытывает ее на прочность, а иногда — что он вообще о ней не думает.

Впрочем, обычно Эльза просто сновала туда-сюда по городу, выполняя довольно мелкие поручения и передавая не слишком важные письма и другие документы.

Компания «Эрре и сыновья» занимала роскошный особняк в центре города. Здесь были мраморные колонны, вычурная лепнина, позолота, разноцветные витражи из цветных стекол, и Эльза даже слегка оробела. Эльза с довольно короткими волосами и в форменном костюмчике Торгового предприятия — серых штанишках и кителе с нашивками из монет — не отличалась от множества других посыльных. На нее никто не обращал внимания, но и не прогонял, как тот швейцар из конторы господина Гё.

Поднявшись по широкой роскошной лестнице, Эльза вошла внутрь, стараясь не слишком таращить глаза по сторонам.

— Розы для господина Кристиана Эрре, — тихо сказала она какой-то служащей, которая скучала за конторкой возле входа.

Эти слова произвели неожиданный эффект. Служащая подпрыгнула и посмотрела на Эльзу едва не с ужасом:

— Розы? В такой день?

Мрачное предчувствие сжало сердце Эльзы. Наверняка быть отхластанной шипастыми розами даже хуже, чем получить колю по лицу.

Она молчала, не зная, что и ответить, когда резкий голос крикнул сверху:

— Что это, Катарина?

Служащая вжала голову в плечи.

— Розы... для вас, господин Эрре.

Послышался дробный перестук каблуков о камень, в следующее мгновение Эльзу развернули, и она увидела перед собой разъяренное и злобное лицо.

Оно принадлежало довольно молодому мужчине около тридцати лет — в компании господина Гё он бы не поднялся выше клерка, ведь старик не доверял молодым.

Но очевидно, этот мужчина был здесь главным.

И очевидно, он и был Кристианом Эрре.

— Кто посмел их прислать? — коротко спросил этот человек.

У него были жесткие и властные черты лица, совсем не похожие на изнеженность сыновей господина Гё. Серые глаза отливали холодом. Он не был красивым или даже симпатичным, никакого очарования, столь милого юному сердцу Эльзы. Но она вдруг совсем по-девчачьи покраснела и ответила, дребезжа голосом:

— Абельхард Гё.

Лицо господина Эрре исказилось.

— Этот проклятый старик! — завопил он, вырвал из ее рук розы и безжалостно швырнул их в урну. Эльза выдохнула с облегчением: кажется, смерть от шипов ей больше не грозила.

— Передай своему господину, — прорычал господин Эрре... и дальше произнес столь грязные непристойности, каких Эльзе даже в порту не доводилось слышать.

Она собрала в себе остатки мужества и кивнула.

— Повтори, — вдруг потребовал он.

И Эльзе пришлось повторить все это слово в слово, отгоняя от себя мысли, что мадам Дюваль, узнай она об этом, наверняка заставила бы ее вымыть рот с мылом.

После этого господин Эрре тут же забыл о ее существовании, о розах, о господине Гё, потому что закричал кому-то в глубине зала:

— Дитмар, почему ты уже здесь! Я же тебе четко приказал — не возвращаться, пока ты не выловишь из этой чертовой реки все сундуки до последнего!

Вечером господин Гё нарушил привычное молчание, которое всегда царило во время его ужинов:

— Ну-ка, Эльза, расскажи мне, как господин Эрре отреагировал на мой подарок.

Она едва слышно вздохнула и четко, без запинки произнесла как.

Господин Гё расхохотался. И хохотал так долго, что на глазах его выступили слезы.

— Дитя мое, — простонал он, — как я рад, что у тебя безупречная память. Ты ведь не пропустила ни словечка?

Эльза покачала головой. Она редко разрешала себе задавать вопросы, но тут не смогла удержаться:

— Но кто такой этот Кристиан Эрре? И почему он так рассердился?

— Потому что сегодня сразу два корабля с его грузами попали в шторм и ушли под воду, — радостно ответил господин Гё. — Такая неслыханная удача, что наши корабли застряли из-за неполадок с поставщиками и не покинули этой ночью порт. Что же касается того, кто он таков, то это щенок напыщенного семейства Эрре. Из тех, что даже гадят в золотые ночные горшки. Его папаша был слабаком и отдал богу душу из-за чрезмерной праздности и пьянства. Я, признаться, очень веселился, когда этот сопляк занял его место,

но знаешь, что я скажу тебе, моя дорогая Эльза? У мальчишки острые зубы. Вот увидишь, из него выйдет толк.

На памяти Эльзы это было впервые, когда господин Гё кого-то похвалил, и она постаралась запомнить жесткое лицо с серыми стальными глазами, кривизну капризных губ, немного тяжеловесную массивную фигуру в обычной рубашке с подтяжками и небрежный хвостик взлохмаченных темных волос.

Что-то подсказывало ей, что их пути с острозубым щенком семейства Эрре еще пересекутся.

ГЛАВА 3

На похоронах было так скучно, что Кристиан едва удерживал зевоту. Притупилась даже радость от смерти старика Гё — а ведь казалось, что захочется плясать на его могиле.

24

Плясать не хотелось. Хотелось, чтобы это поскорее закончилось.

Дочь Гё и двое его сыновей выглядели скорее задумчивыми, чем опечаленными. У старика был крутой нрав, и спуска он не давал ни семье, ни конкурентам. Кристиан знал об этом не понаслышке: много лет он провел в торговых войнах с Гё и все эти годы мечтал, чтобы тот сдох побыстрее.

Чуть в отдалении ото всех стоял, пожалуй, единственный человек, кто сегодня действительно скорбел. Эльза Лоттар, доверенное лицо Гё, его правая рука и, по слухам, любовница. На девицу семья покойного поглядывала с отдельным негодованием. Похоже, Лоттар и вовсе бы не допустили сюда, если бы не боязнь скандала — уж слишком большую роль она играла в последние годы в Торговом предприятии покойника.

Лоттар была при Гё много лет, но внимание Кристиана привлекла к себе лишь три года назад. В тот день они

с мерзким старикашкой заключали одну из сделок, к которым редко, но время от времени приходили.

К тому, что за спиной Гё частенько маячит немногословная и сдержанная Эльза Лоттар, к той поре все уже привыкли. Но то, что прежде, чем изучить документы, Гё сначала сунет их Лоттар, а потом не глядя подпишет, Кристиана поразило до глубины души.

Несмотря на все различия, делающие их не просто конкурентами, а личными недоброжелателями, их роднили тотальная недоверчивость и стремление все контролировать. В бизнесе нельзя щелкать клювом, а стоит хоть что-то пустить на самотек, так тебя либо обворуют, свои или чужие, либо отнесутся к делам спустя рукава. Наемные служащие — вовсе не то же самое, что хозяин. Наемным служащим лишь бы быстрее разделаться с работой, получить деньги и разбежаться по домам.

Пока Лоттар сосредоточенно читала документы, а Гё, развалившись в кресле, разглагольствовал о ценах на зерно, Кристиан едва скрывал раздражение. Встреча затягивалась, присутствие Лоттар казалось неуместным, а длинные монологи высокомерного выскочки вгоняли в тоску.

Но потом Лоттар дочитала документы, молча кивнула, подвинула их Гё, а тот, не прерывая своей речи и не глядя в бумаги, быстро расписался.

Кристиан смотрел на это, замерев от изумления.

Возможно ли, что Гё стареет и теряет хватку? Его зубы притупились, а в сердце закралась сентиментальность?

И в то же время на секунду, всего на секунду, Кристиана кольнуло что-то острое в висок: позже он определил это чувство как зависть.

Слишком заманчивой оказалась мысль, что бывают такие сотрудники, на которых можно полностью положиться.

С тех пор Кристиан выяснил о Лоттар все, что мог.

В Торговом предприятии она начинала девчонкой-посыльным, при этом никто не мог точно сказать, откуда она взялась и почему ее вообще приняли на службу. Гё славился подозрительностью и очень тщательным подходом к выбору персонала — от уборщиц до директоров.

Потом Лоттар начала и сама торговать — зеленью и овощами. Стояла за прилавками в самых маленьких и самых далеких лавках, постепенно перебиралась в те, что покрупнее и подоходнее, а спустя жалких два года перешла в головную контору, где занималась сначала подсобной работой, потом приняла на себя отдел закупок, и вот тогда о ней заговорили впервые. Поставщики жаловались на ее изматывающую требовательность к качеству продукции и срокам поставок, на то, что она дралась за каждую монетку. Гё в ответ на жалобы только посмеивался и отдавал Лоттар все больше полномочий.

26

Говорили и о ее неподкупности. Не поверив, Кристиан лично отправил к ней троих своих людей, предлагавших немислимые деньги за кое-какие секреты Торговой компании. Лоттар посмеялась над первым, сдала головорезам Гё второго, а третьего лишь смерила презрительным взглядом, вовсе не удостоив ответом.

Разменяв седьмой десяток, Гё, казалось, только вошел в раж: он открывал новые магазины, искал новых поставщиков, скупал акции молодых компаний, а полтора года назад и вовсе решил, что быть торговцем — этого мало, заделался еще и финансистом, приобретя крупную долю в разоряющемся банке по бросовой цене. Благодаря этому банк устоял и теперь уверенно отвоевывал свою долю рынка.

Казалось, что с возрастом жадность и азарт Гё лишь усиливаются.

Про их отношения с Лоттар люди болтали всякое: что стареющий Гё потерял голову из-за девчонки, что он не

только спит с ней сам, но и подкладывает ее под нужных людей, что они вообще живут вместе, а дети почти не разговаривают с отцом. Другие считали Лоттар внебрачной дочерью старика. Никаких доказательств этим сплетням, кроме раздора в семье Гё, Кристиан так и не нашел, но признавал, что основания для подобных слухов более чем убедительные.

Гё старел, становился злее, невыносимее, заносчивее. Несмотря на то что старший из его сыновей уже подошел к тридцатилетней отметке, к делам он так и не был допущен. И сейчас, глядя на безвольные и изнеженные лица наследников, Кристиан понимал, что империи его конкурента пришел конец. Сыновья не доверят Лоттар управление капиталами, а сами они, не приученные к бизнесу, быстро развалят все дела.

Однако никакого злорадства он не испытывал. Гё — жесткий, хитрый и плохо воспитанный — был ему как кость в горле, но приносил немало радости от побед над ним и злости из-за поражений. Вышедший из самых низов, он пробивал себе путь кулаками и зубами, не стеснялся в средствах, плевал на всякую порядочность и чистенько решал вопросы с помощью своих головорезов.

Кристиан презирал все это, его методы были основаны на соблюдении внешних приличий, за его спиной стояла поддержка семьи — мощная, древняя, надежная.

И в то же время он помнил, что именно у Гё было кое-что ценное, кольнувшее однажды Кристиана мелкой завистью. А он не привык никому завидовать.

Кристиан отступил на шаг и отдал короткое распоряжения Катарине.

Казалось, у его секретарши была змеиная кровь. Она так ловко просочилась мимо одетых в черное людей, так быстро проскользнула мимо бледной и отрешенной Лоттар, что никто и не заметил даже, как она успела произне-

сти несколько слов. Глаза Лоттар немного расширились, а дыхание чуть-чуть сбилось. Кристиан и не заметил бы этих едва заметных перемен, если бы не впился в нее пронзительным и изучающим взглядом.

На ее лице отразилось понимание, и она едва заметно кивнула.

В кабинет Кристиана Лоттар вошла все в том же черном строгом платье, в котором была на похоронах.

Бледная и светлая кожа резко контрастировала с этой подчеркнутой траурностью.

Лоттар, тонкая и гибкая, была не слишком красива, но не лишена изящества, а дорогую одежду носила с небрежностью человека, который никогда не нуждался в деньгах. Была ли у Лоттар семья, какое воспитание она получила и где Гё вообще ее откопал, Кристиан не знал.

28 — Господин Эрре, — произнесла Лоттар тихим, но довольно твердым голосом и посмотрела со спокойным ожиданием.

Кристиан молча кивнул ей на кресло перед собой, и Лоттар опустилась в него, стянув тонкие черные перчатки.

Долгое время в кабинете царило молчание. Кристиан разглядывал свою гостью, а Лоттар, казалось, никуда не торопилась.

— Сколько вам лет, госпожа Лоттар? — наконец спросил Кристиан.

— Двадцать четыре, — с легкой заминкой, как будто этот вопрос вызвал какое-то внутреннее затруднение, ответила она.

— Как вы думаете, для чего я попросил вас прийти?

— Полагаю, чтобы предложить мне службу, — едва склонив голову набок, отозвалась Лоттар. Она казалась разумной и сдержанной особой, не склонной к скоропостижным выводам или бурным проявлениям чувств.

Даже сейчас, потеряв человека, которому была предана много лет, Лоттар прекрасно владела собой.

— И вы...

— Намерена согласиться, — просто, безо всяких долгих хождений вокруг да около сказала она.

Кристиан, не готовый к такому стремительному вероломству, презрительно прищурился. Все-таки преданности наемных служащих не существовало в природе. На минуту ему захотелось выгнать Лоттар, сказать, что ему не нужны настолько продажные люди, но останавливало ее непоколебимое спокойствие.

Как будто она не считала, что подводит покойного старика Гё.

Это сбивало с толку.

— Я буду говорить прямо, — Лоттар пронизательно взглянула на Кристиана — и словно прочитала все его мысли. — Этому секрету недолго оставаться таковым. Через четверть часа поверенный господина Гё зачитает семье завещание, и тогда-то выяснится, что акции банка принадлежат мне. Они изначально были записаны на мое имя, господин Гё выступал лишь моим полномочным представителем. Мы решили, что в совете акционеров его голос будет звучать весомее.

— Это означает, что вы не нуждаетесь в работе, госпожа Лоттар, — ответил изумленный Кристиан. Столь внушительный пакет акций мог обеспечивать ее до старости.

— Это означает, что наследники господина Гё будут в ярости, — с тонкой улыбкой поправила его Лоттар. — Акции — это ведь пассивный доход, на который они возлагали большие надежды. Не вызывает сомнений, что империя господина Гё будет утоплена за несколько лет. Вы и сами знаете, что в коммерции требуется все время оставаться на гребне волны.

— Вы опасаетесь судебных разбирательств?

— Я опасаясь за свою жизнь. Сыновья господина Гё капризны и избалованы, они вполне способны натравить на меня... особых сотрудников.

Кристиан откинулся в кресле, задумчиво разглядывая Лоттар.

Она была бледной, темные волосы заколоты в тугий узел, черты лица невыразительные, нос прямой, а челюсть излишне тяжеловата. Густые черные брови хмурились, но вот глаза ее можно было бы назвать красивыми, если бы в них была хоть какая-то живость. Никогда прежде Кристиану не доводилось видеть столь закрытого человека, а ведь он считал себя неплохим физиогномистом.

— Вы очень откровенны, госпожа Лоттар, — признал он.

— Я всегда откровенна со своим нанимателем, — безо всякого выражения уведомила она.

— Мы еще ни о чем не договорились.

— Вы бы не стали тратить на меня свое время, если бы не намерены были договориться.

— Неужели вас не смущает столь быстрый переход на сторону врага старикана Гё? — не удержался Кристиан от вопроса, который терзал его с начала этой встречи.

— У мертвых нет врагов. — Лоттар натянула перчатки, словно полагая этот разговор законченным. — Вам этого не понять, господин Эрре, поскольку ваше состояние сколотил еще ваш прадед и вы очень трепетно относитесь к наследованию. Господин Гё вышел из низов, и ему всегда было плевать, что произойдет с компанией после его смерти. Он был далек от детей и никогда не заблуждался насчет их возможностей. Ему хотелось всего при жизни, таков он был. — И все-таки в ее лице что-то на секунду дрогнуло, а глаза затуманились. — «После моей смерти, Эльза, или беги как можно дальше, или встань под защиту кого-то достаточно сильного, кого-то,

кому мои дети не осмелятся переходить дорогу» — так говорил мне господин Гё.

— И что же? — жадно спросил Кристиан севшим голосом. От мысли о том, что старик Гё считал его достаточно сильным, раз Лоттар находилась в этом кабинете, у него забилося сердце.

— В моем кармане билет на поезд, который отправляется через два часа. — Она посмотрела на него в упор: — Должна ли я воспользоваться этим билетом?

Кристиан ответил ей не менее прямым взглядом.

— Вы должны понимать, госпожа Лоттар, что я не скоро подпущу вас к своим финансам. Расскажите мне, чем вы занимались у старика.

— Договорами с поставщиками в основном. Некоторыми консультациями в области торговой биржи и банковской сферы. Меня всегда интересовала эта часть коммерции больше, чем торговля.

— Почему же? — спросил Кристиан с любопытством.

— Потому что вложения — это деньги из воздуха, — прямолинейно ответила Лоттар.

Кристиан хмыкнул и задал еще один неприятный вопрос, который тоже его давно тревожил:

— Вы спали со стариком?

Ничего не изменилось в ее лице.

— Если я спала со своим предыдущим нанимателем, то должна буду это делать и с будущим? — уточнила Лоттар хладнокровно. — Вот уж не думала, что вас может заинтересовать эта сторона нашего сотрудничества. Учитывая перипетии вашей личной и семейной жизни.

Кристиан усмехнулся. Пока он следил за Гё, Гё следил за ним. Можно было не сомневаться в том, что Лоттар осведомлена обо всех тонкостях его «личной и семейной жизни».

Впрочем, о том, что жена выставила его из дома, не слышал в этом городе только глухой.

Кристиана действительно не волновала Лоттар с точки зрения ее сомнительных женских чар, но пробить брешь в ее броне очень хотелось бы. У всех есть слабые места, это Кристиан точно знал, и ему было любопытно, что скрывается за ледяным спокойствием этой девицы. Была ли она таковой от рождения или это результат работы на Гё? Что старик мог сделать с живым человеком, чтобы превратить его в бесчувственную куклу?

— Я думаю, что для начала мог бы выделить вам некий фонд, — задумчиво сказал Кристиан, — и посмотреть, как ловко вы черпаете деньги из воздуха. Разумеется, для человека ваших достоинств это довольно легкая задачка. Чтобы вы не скучали, я наделю вас некоторыми функциями своего персонального помощника.

32

Что тоже было провокацией. Персональный помощник — это было явным понижением после того, какой статус она занимала последние годы в Торговом предприятии Гё. Но Лоттар снова не дрогнула.

— В таком случае, — она поднялась с кресла, — мы встретимся с вами в понедельник. Сейчас же прошу прощения — это был непростой день. Кроме того, мне нужно уладить некоторые личные дела.

— Какие же? — вырвалось у Кристиана, прежде чем он успел подумать, что это не должно его волновать.

Лоттар отозвалась с откровенностью, к которой он даже постепенно начал привыкать:

— Полагаю, мне следует найти себе новое жилье, поскольку мое дальнейшее пребывание в доме господина Гё не представляется возможным. И, не мешкая, нанять себе телохранителя.

К вопросам собственной безопасности она относилась с максимальной серьезностью, отметил про себя Кристиан.

Разумеется, он знал, что она живет со стариком: за Лоттар последние годы плотно присматривали его люди. Но то, что она не смущена этим и не пытается скрыть, казалось непостижимым.

— Если вам нужен человек подобного сорта, — вслух сказал Кристиан, — то я мог бы подобрать вам кого-нибудь из службы охраны грузов.

— О, не волнуйтесь на этот счет.

— Послушайте, госпожа Лоттар, — довольно сердито буркнул он, — вам не следует доверять тем, кто работал на Гё. Я бы не стал рассчитывать на их верность после смены хозяина.

— Я и не рассчитываю, — улыбнулась она. — У меня есть к кому обратиться.

«Откуда?» — удивился Кристиан. Лоттар не была похожа на женщину, которая водила столь сомнительные знакомства.

Впрочем, что он вообще про нее знал?

— Госпожа Лоттар, — окликнул ее Кристиан, когда она уже взялась за ручку двери. — Почему вы просто не уехали? С вашими деньгами вы могли бы прожить беззаботную жизнь, ни о чем не беспокоясь.

— Все дело в том, господин Эрре, что я не люблю убегать. — Она обернулась, и ее глаза блеснули искоркой веселья. А может, это был отблеск газового рожка. — И уж тем более я не люблю прятаться.

И она выскользнула из кабинета, аккуратно прикрыв дверь за собой.

ГЛАВА 4

Если бы Кристиана кто-то спросил, почему, избавившись от одной надоевшей ему женщины, он немедленно переехал к другой, он бы не нашелся сразу с ответом. Возможно, дело было в том, что он был человеком привычки.

Свою будущую жену Берту он любил примерно с шести лет. Она была наперсницей его детских игр, а потом, что закономерно, стала и супругой. Обе семьи благословили этот союз, и первые три года после женитьбы Кристиан даже хранил Берте верность.

Однако прекрасная танцовщица варьете Адель с ее роскошными формами и томными глазами одалиски породила в Кристиане такой ураган чувств, которых он никогда не испытывал к милой и доброй Берте.

Потратив на Адель едва не четверть наследства, Кристиан опомнился лишь тогда, когда его пригласил к себе поверенный семьи Эрре, мэтр Шварц, и спросил, какого, собственно, дьявола.

К тому времени у Адели уже был роскошный особняк. И самый лучший в городе выезд, и целый сейф с драгоценностями, и даже партия в театре, куда без денег Кристиана бывшую артистку варьете даже полы мыть не пустили бы.

Глядя на столбики цифр, которые начертал на бумаге мэтр Шварц, Кристиан физически ощутил, что его страсть растворяется точно так же, как растворялось его состояние.

Тем не менее он не покинул Адель, хоть и существенно снизил траты на нее, да и навещал куда реже и с меньшим пылом.

Берта относилась к этому увлечению философски. К тому времени у них уже родились Хельга и Исаак, и ее жизнь курсировала между детской, модными лавками и салонами, где можно было предаться сплетням. У Берты был покладистый и легкий характер, и в муже она скорее видела доброго друга, чем возлюбленного, что избавляло Кристиана от сцен ревности и упреков.

В противоположность ей Адель обладала холерическим темпераментом. Дурная актриса в жизни и на сцене, она была собой на спектаклях и изображала кого-то

другого в жизни. Кристиан никогда не мог предугадать, какой вечер его ожидает — полный истеричных обвинений, холодной отстраненности или разнузданной постельной пошлости. Адель ревновала Кристиана к жене, к другим актрисам, к горничным и даже к собственным модисткам. Искжаясь от злости, ее лицо дурнело, и вместо томной одалиски являлась истинная фурия.

Не испытывая особой привязанности ни к одной, ни к другой женщине своей жизни, Кристиан утешался спокойствием Берты, утомившись от сцен, которые ему обеспечивала любовница, и наслаждался буйством Адели, когда тихая домашняя гавань вставала поперек горла.

То, что спустя пятнадцать лет брака Берта в один прекрасный день укажет ему на дверь, для Кристиана стало полной неожиданностью.

— Милый, — сказала она, педантично укладывая его рубашки, — твой образ жизни плохо сказывается на детях. Они ведь становятся все взрослее.

Кристиан попытался объяснить жене, что он немедленно изменит свое поведение и что Берте следовало сказать об этом раньше, но она лишь поцеловала его в щеку и сообщила, что ей надоел весь этот фарс.

Забавно, но появление на пороге любовника с чемоданом рассердило Адель.

— Что эта женщина себе воображает? — раздраженно скривилась она. — Ты ее законный муж! Кристиан, милый, ты не можешь уйти из собственного дома.

— Но ведь это тоже мой собственный дом, — пожал плечами Кристиан, которого изрядно веселило удовольствие привыкшей к свободе Адели.

И если по отношению к Берте он всегда был безупречно вежлив, то с Аделью не особо церемонился, пресекая на корню все ее попытки испортить ему настроение. До этой поры она еще не сталкивалась с жестокой стороной своего покровителя, хорошо известной в деловых

кругах, поскольку прежде Кристиана все устраивало. Однако теперь он не желал никаких выяснений отношений по вечерам, музицирующих гостей, шумных вечеринок, карточных игр, фейерверков и маскарадов. Он приходил из конторы слишком уставшим и раздраженным, а когда Адель смела ему перечить, то молча кивал на дверь, предлагая свободу выбора.

Так и получилось, что к своим тридцати семи годам Кристиан окончательно утратил всякие иллюзии относительно женщин. Любовные перипетии представлялись ему слишком обременительными, а хорошенькие юные чаровницы в его воображении обретали черты Адели-фурии. Стоит ли завязывать отношения, пусть даже мимолетные, если в конце так или иначе будут ждать разочарование и скука?

36

На следующее утро Кристиан поднялся довольно поздно. Была суббота, а в этот день он позволял себе некоторую богемность. Адель все еще спала, и Кристиан завтракал в одиночестве, когда посыльный принес ему письмо от частного детектива, которого Катарина наняла, чтобы присмотреть за Эльзой Лоттар.

Согласно отчету, покинув его кабинет, Лоттар прямоком отправилась в дешевый бордель, который располагался в портовом районе (тут Кристиану понадобилась передышка, чтобы найти сигару и разжечь ее). Там она провела немного времени, коротко переговорив с одним из вышибал борделя (известным как Ганс-задира, скрупулезно пометил детектив). Портовый район они с Гансом покинули вместе, о чем-то дружелюбно беседуя. Дошли пешком до недорогой гостиницы на тихой улочке Маргариток, и...

«Прежде чем войти внутрь, данная девица огляделась по сторонам и прямоком направилась к вашему покорному слуге, — писал детектив. — «Достаточно таскать-

ся за мной безо всякого дела, — сказала она, — лучше помогите с чемоданами. Уверена, господин Эрре не будет против».

Тут Кристиан снова выпустил бумагу из рук, потому что от вспышки хохота (а может, от слишком большой порции табачного дыма) у него слезы брызнули из глаз.

После чего все-таки дочитал отчет до конца.

Заплатив за гостиницу, все трое отправились ловить экипаж. Чемоданы нес детектив. Руки Ганса же должны были оставаться свободными, чтобы в случае необходимости выхватить револьвер («именно такое объяснение было получено от данной девицы. На мой вопрос, откуда у бордельного вышибалы оружие, девица ответила, что от нее»). Они доехали до центра города и вышли напротив здания, которое занимала компания «Эрре и сыновья». Здесь Лоттар невозмутимо поднялась по ступенькам и объяснила швейцару, что они с Гансом — новые сотрудники компании и им полагаются койки в крыле для мелких служащих. После чего предъявила допуск, подписанный Катариной Вернер.

Тут Кристиан от изумления пролил кофе.

Несколько лет назад он действительно организовал нечто вроде пансионата для клерков и продавцов, чей невысокий доход не позволял им снимать жилье. По правде говоря, он всего лишь слегка переоборудовал пустующее крыло здания, которое во времена его деда использовалось как склады. С тех пор обороты гораздо выросли, и склады переехали в портовый квартал, откуда продукция сразу поступала в лавки и магазины.

Об этом пансионате как о слишком гуманном нововведении зубоскалили все коммерсанты города, но Кристиану было плевать. Такое простое и дешевое решение обеспечивало ему верность мелких служащих получше небольшого повышения жалования. Сам Кристиан был в этом пансионате только однажды, когда контролиро-

вал ход ремонтных работ, но запомнил, что, по сути, это было скопление мелких холодных комнаток, похожих на монашеские кельи. Два верхних этажа с отдельным входом занимали женщины, два нижних — мужчины. Между собой эти этажи не были связаны: чтобы пройти на женскую половину, нужно было миновать охранника, приставленного туда во избежание разврата.

Кроме того, пансионат располагался на внутренней территории за проходной, где служащие показывали свои жетоны, означающие принадлежность к компании.

С точки зрения безопасности это было хорошим решением.

С точки зрения удобств — ужасающим.

Никто, у кого в карманах водятся деньги, не решился бы жить в таких суровых условиях.

Деньги у Лоттар были.

38 Кристиан хмыкнул, признавшись себе, что ее мозги устроены каким-то невероятным образом, и тут же снова рассердился.

Маленькая дрянь — она посмела договориться с Катариной за его спиной.

И Кристиан придвинул к себе чистый лист бумаги.

Воскресные обеды у Анжело вместе с Бертой и детьми были неукоснительной традицией, которой оба супруга придерживались, перестав делить один кров.

Четырнадцатилетняя Хельга уже миновала стадию пухлых щек и острых локтей. Теперь это была уже почти девушка, которая изо всех сил сбрасывала с себя детские привычки.

Исааку исполнилось восемь, и, по правде говоря, Кристиан пока еще не понимал, что он из себя представляет. Болезненный и капризный, сын не внушал никаких надежд на яркое будущее, и это роднило Кристиана со стариком Гё.

Берта никогда не была особой красавицей, но всегда казалась Кристиану непостижимо милой. В простеньком синем платье и с мягкими золотистыми локонами вокруг круглого лица она неуловимо напоминала себя-девочку, и Кристиан с нежностью поцеловал ее руку.

— Прекрасно выглядишь, дорогая, — искренне сказал он.

Она фыркнула:

— А вот ты запустил себя, милый. Тебе давно пора подстричься.

Владелец ресторана Анжело, щедро улыбаясь, подскокил к ним и принялся нахваливать свои блюда.

— Сегодня нам понадобятся приборы еще на одного человека, — предупредил его Кристиан.

Берта удивленно вскинула брови, но не успела ничего спросить, потому что пунктуальная Эльза Лоттар уже приближалась к их столику.

На ней был невыразительный серый костюм с черной траурной повязкой на рукаве. Черная же брошь на высоком воротнике-стойке. Никаких других украшений.

— Добрый день. Меня зовут Эльза Лоттар, — мягко сказала она и бросила короткий взгляд на Кристиана. — Полагаю, что я помощник семьи Эрре?

Он снова восхитился тому, с какой нечеловеческой скоростью она соображала.

У Кристиана мог быть только один повод, чтобы пригласить ее на семейный обед, и Лоттар все поняла совершенно верно. Не персональный помощник Кристиана, но хуже. Он отдаст ее на съедение собственным детям и Берте — будет знать, как проявлять излишнюю инициативу.

Берта с недоумением посмотрела на мужа:

— Эльза Лоттар? Та самая Эльза Лоттар?

— Подстилка старикана Гё, — вдруг громко уведомил всех Исаак.

Хельга со жгучим интересом уставилась на девицу, но тут же отвела глаза. Ничего подстилочного в девице не было.

— У вас хороший слух, господин Эрре, — разбила оглушительную тишину Лоттар и села на свободный стул, мимолетно улыбнувшись Исааку.

Берта густо покраснела.

— Понятия не имею, где он этого нахватался. Уверю вас, в своем доме мы никогда не обсуждали вас в подобном ключе.

— Могу себе представить, — ровно отозвалась Лоттар.

— За вашей спиной маячит какой-то мужчина, — предупредила ее Хельга.

— О, это Ганс. Мой телохранитель.

— У вас есть телохранитель? — тут же спросил Исаак. — Он охраняет ваше тело?

— Именно так, господин Эрре.

— Но от чего?

— Дело в том, что меня, возможно, хотят убить, — просто объяснила Лоттар.

Тут уже все уставились на нее с интересом.

Кристиан махнул рукой, требуя себе еще кофе.

Хотя лучше бы виски, конечно.

— Что за человек хочет вас убить? — восторженно спросил Исаак.

— Возможно, это два человека.

Кристиан никогда прежде не видел такого восхищения на лице сына.

— Кажется, это неподходящая тема для обеда, — рассердившись от этого восхищения, сказал Кристиан.

— Ну что ты, — возразила Берта, — это самая интересная тема за долгое время.

— Прошу прощения, — опустила глаза Лоттар, — я не сильна в разговорах за обеденным столом. Господин Гё предпочитал есть в полнейшей тишине.

— Это правда, что он мог за целый день не произнести ни слова? — с интересом спросила Берта.

— Однажды он молчал целую неделю.

— Но как же его понимали?

— Это просто: ты всего лишь делаешь все как надо. Если совершишь ошибку, то господин Гё непременно заговорит, чтобы указать на нее.

«Целую неделю, — подумал Кристиан, — Лоттар все дела вела правильно».

— Отчего же он заговорил? — спросила Берта.

— От икоты. Господин Гё сказал: «Черт бы побрал эту изжогу!»

Исаак захихикал.

Хельга едва заметно поморщилась — это тоже было слишком для воскресного обеда.

Им принесли восхитительную оленину, и на некоторое время за столом воцарилось молчание.

— Что значит — помощник семьи Эрре? — спросила наконец Хельга.

— Это значит, что вы можете обращаться ко мне за помощью по любым вопросам, — ответила Лоттар. — Я здесь, чтобы решить все ваши затруднения.

— Но вы же все расскажете папе! — возмутился Исаак.

— Это зависит от ситуации, господин Эрре, — подумав, проговорила Лоттар. — Некоторые затруднения настолько мелкие, что из-за них нет смысла тревожить вашего папу. А некоторые, разумеется, потребуют его пристального внимания.

«Пиф-паф, — сказал себе Кристиан, — выстрел в упор».

Если он обвинит Лоттар в сговоре с секретарем Катариной, то она ответит, что просто не захотела отвлекать его на такие мелочи.

— Я бы предпочел быть в курсе любых ситуаций, — холодно уведомил он.

Она наградила его не менее холодным взглядом:

— Ну разумеется.

— А вас не будут убивать прямо сейчас? — спросил Исаак. — Мне бы хотелось дождаться десерта.

Лоттар обернулась и посмотрела на Ганса. Это был молодой мальчишка, наверное, ее ровесник. На нем был новенький костюм, в котором ему было явно неудобно. Простодушное лицо не внушало ни малейшего доверия: именно с таким лицом человек мог ограбить тебя на безлюдной дороге. В голубых прозрачных глазах этого молодчика не светилось ни единого проблеска мысли, но Кристиан ни за что не поверил бы, что Лоттар могла нанять для своей защиты идиота.

— Если и будут, то Ганс вас защитит, — твердо заявила его сына Лоттар, — вы обязательно получите свой десерт.

— Он же защищает ваше тело, а не мое.

42

— Ну, а я служу вам, — она улыбнулась, — значит, и Ганс служит вам тоже.

— Боже, — прошептала Берта, — у меня мурашки по коже. Где Гё вас нашел?

— Я сама к нему пришла, — коротко пояснила Лоттар, явно не желая углубляться в эту тему.

— И вы понимаете во всем этом... ну, в финансах? — заговорила Хельга. — Мама говорит, что цифры — это не для женского разума.

— Правда?

— Берта верит в классическое воспитание, — пожал плечами Кристиан.

— Он вами просто одержим, — предательски прошептала Берта. — Однажды Кристиан даже пошел на праздничный вечер Торгового предприятия, чтобы предложить вам работу у него.

Такого удара Кристиан от нее не ожидал, и теперь ему стало вязко и неловко.

Он помнил тот вечер — это было около десяти месяцев назад. Старикан Гё от души повеселился за его счет. «Мальчик мой, — язвил он, — ты пришел посмотреть на действительно успешную компанию? Не стесняйся, ешь и пей за мой счет. Однажды и ты сможешь себе позволить такой праздник».

Все эти унижения были напрасными: Лоттар в зале не было. Кристиан перехватил секретаря старика и спросил его:

— А где же помощница Гё?

— Эльза? — Корбл так удивился, как будто услышала несусветную глупость. — Что ей тут делать? Она же для работы, а не для веселья.

Почему-то это показалось жестоким даже несклонному к сантиментам Кристиану.

— Ах вот почему вы пришли, — безо всякого удивления сказала Лоттар, — это было весьма кстати, вы подняли господину Гё настроение. Оно было очень скверным из-за того, что пришлось выбросить столько денег на какое-то торжество.

— Он был тем еще скрягой, — с облегчением поддержал эту тему Кристиан, радуясь, что она не заострила внимания на словах Берты про одержимость.

— В этом мы с господином Гё похожи, — призналась Лоттар. — Я тоже очень не люблю тратить деньги попусту.

— Я заметил, — кивнул Кристиан. — Как вы устроились в пансионате?

— Неплохо.

— В папином пансионате? — воскликнула Хельга. — Но там же живут только распоследние бедняки!

— О, моя госпожа, вы и понятия не имеете, где живут распоследние бедняки, — с легкой улыбкой возразила Лоттар.

— Однажды мы с мамой были в сиротском приюте, — вспыхнула Хельга. — Приносили туда библии.

Кристиану показалось, что Ганс за их спинами фыркнул, но когда он посмотрел на него, то на простоватом лице не было никакого выражения.

— Эти бедные дети, у которых нет ни настоящего, ни будущего, — вздохнула Берта. — Судьба не дала им и шанса.

Лоттар утешительно покачала головой:

— Ваши библии, безусловно, изменили жизнь этих детей к лучшему.

Со стороны Ганса послышалось сдавленное покашливание.

На лице Эльзы Лоттар не отражалось ничего.

ГЛАВА 5

44

В понедельник Кристиан намеренно предоставил Лоттар заботам одного из служащих, ворчливого Дитмара Лонге, доставшегося ему еще от отца. Это был невзрачного вида сутулый человек, неразговорчивый и нелюбезный. Как и многие другие сотрудники компании, к появлению подстилки старика Гё он отнесся неодобрительно — Катарина исправно передавала Кристиану пересуды и настроения, царящие в конторе.

Подобные мелочи мало волновали Кристиана, но ему было интересно, как Лоттар будет с ними справляться. Для начала он разместил ее в пыльном и крохотном кабинете, вход в который располагался в другом крыле здания. Правда, он соотносился с кабинетом Кристиана общей комнатой, из которой было весьма удобно подслушивать, — маленькие отцовские прихоти.

Протянув время до самого обеда, Кристиан наконец попросил Катарину пригласить к нему Лоттар.

— У нее сейчас посетитель, — предупредила его та. — Прервать их встречу?

— Кто?

— Анна Гё.

Это было неожиданно — Кристиан был уверен, что дети покойника не захотят иметь с Лоттар никаких общих дел, после того как выяснится, что банковские акции принадлежат ей. Однако дочь старика примчалась с неприличной для скорбящей скоростью. Значит, известия о новой службе Лоттар уже достигли любопытных ушей. Учитывая, что об этом знали только Кристиан и его семья, выходило, что Лоттар сама уведомила детей Гё о переменах в своей жизни. Возможно, хотела предупредить наследников, что перешла под защиту компании Эрре.

Кристиан проворно вернулся в свой кабинет, подвинул китайскую ширму и прошел в комнату для подслушивания. Ему не терпелось узнать, что понадобилось Анне Гё.

Ее голос был столь громким, что казалось, будто между ними вообще нет никакой стены.

— Сто гульденов в месяц — против тысячи, которые платил мне отец. Это уму непостижимо!

— Я никак не могу повлиять на ваших братьев, госпожа Анна, — ровно ответила Лоттар. — Они вольны назначить вам такое содержание, которое посчитают нужным. Насколько я понимаю, такова воля вашего отца.

— Мерзавец, — с негодованием отозвалась Анна. — Вся моя семья — сплошные мерзавцы.

— Боюсь, что я ничего не могу для вас сделать.

— Прекрасно можете — просто отдайте мне часть своих банковских акций.

От такой наглости даже у Кристиана злость всклокотала в горле, и ему стало ужасно жаль, что он не может видеть сейчас выражения лица Лоттар. Однако ее голос остался неизменно спокойным.

— Не вижу ни единой причины, госпожа Анна, по которой я могла бы исполнить эту просьбу.

— Что значит — не видите? Напомнить вам, как вы оказались в доме моего отца? Кроме того, вы приобрели эти акции на деньги моей семьи.

— О, вы плохо знаете отца, — с легкой иронией проговорила Лоттар, — если думаете, что он потратил бы на меня деньги своей семьи.

— Все, что у вас есть, — это деньги моей семьи.

— Не думаете же вы, что вам и жалование мое принадлежит?

— Все это неважно, — утомленно проговорила Анна, — важно то, что я не могу остаться без денег.

Молчание стало столь долгим, что Кристиан заподозрил, что Лоттар просто задушила Анну собственными руками. Заговорила она весьма нескоро.

— Давайте начистоту, моя госпожа. Вы ведь не настолько безрассудны, чтобы спускать на ветер все, что платил вам отец. У вас наверняка есть сбережения.

— Но их не хватит на всю мою жизнь.

— Мы могли бы инвестировать, — мягко и тихо предложила Лоттар.

— Ни за что! — вскричала Анна. — Это слишком ненадежно.

— Это все, что я могу вам предложить.

— Как отец мог отдать меня в ваши руки, — просто-напросто Анна.

— Возможно, он сделал это, чтобы дать вам независимость, — все так же мягко заметила Лоттар. — Если бы он просто оставил вам денег, ваши братья непременно бы нашли способ вас от них избавить. Не беспокойтесь, я позабочусь о вас.

— После всего, что я вам причинила? — раздался недоверчивый возглас Анны.

И тут Кристиан услышал негромкий смех. Он даже не сразу понял, что этот легкий перезвон принадлежит Лоттар.

Замерев от необычности происходящего, он почувствовал неловкость, как подросток, который подглядывает за переодевающейся горничной. Кристиан вдруг спросил себя, чем он вообще занят и почему ему столь интересны дела Лоттар.

Объяснение тут же нашлось: у него на эту особу слишком большие планы, поэтому он должен понять досконально, из чего она состоит. В конце концов, он собирается доверить ей самое святое — свои финансы.

— Однако, — услышал Кристиан веселое замечание Лоттар, — после всего, что вы мне причинили, вы сочли возможным обратиться ко мне за помощью.

— Этот ваш громила...

— Ганс.

— Отец уже вышвырнул его из дома.

— Ваш отец умер, госпожа Анна.

— Недолго вы грустили по этому поводу.

Еще один мелодичный смешок.

— Вы же знаете, что меня такими упреками не пронять.

— Вас ничем не пронять, Эльза, — раздраженно фыркнула Анна. — Ни гордости, ни самоуважения. Только посмотрите, какой жалкий кабинет вам предоставил этот Эрре. Снова начнете ползти вверх с самого низа? Впрочем, я за вас не волнуюсь — через несколько лет и этот хозяин начнет есть с ваших рук.

— Ну, разумеется, — бесстрастно подтвердила Лоттар, и Кристиан невольно восхитился ее самоуверенностью.

После этого Анна наконец ушла, высокомерно сообщив, что подумает над предложением об инвестировании.

Поразмыслив несколько минут, Кристиан толкнул приметную дверь, ведущую в кабинет Лоттар.

К его потрясению, он нашел ее стоящей на подоконнике с тряпкой в руках. Окна были распахнуты, и она

преспокойно мыла стекла, закатав рукава строгого платья.

Услышав его появление, Лоттар оглянулась и едва заметно вздрогнула, но тут же совладала с собой и вежливо улыбнулась.

— Что вы, ради бога, делаете? — изумился Кристиан.

— А на что это похоже? — парировала она и вернулась к своему занятию.

Они находились на третьем этаже, но это ее мало волновало.

Кристиан удержал в себе порыв стащить ее с подоконника на пол и огляделся.

Пыли здесь больше не было, кабинет блистал чистотой. Учítывая, что уборщицы приходили вечером после окончания рабочего дня, сомневаться в том, кто привел все в порядок, не приходилось.

48

В общем, это было куда разумнее, чем провести весь день среди пыли, но довольно необычно. Кристиан ожидал жалоб или требований, а вовсе не спокойной уборки.

— Скажите мне, что вы собираетесь разорить Анну Гё, — сказал он, развалившись в кресле.

Лоттар не возмутилась его подслушиванию и ответила со свойственной ей честностью:

— Мне бы очень этого хотелось, но я пообещала господину Гё приглядеть за его дочерью. К тому же неудачные инвестиции пагубно отразились бы на моей репутации. У человека моего положения, кроме нее, и нет ничего.

— У вас весьма сомнительная репутация, — не удержался Кристиан.

Она хмыкнула и спрыгнула на пол.

— То, что говорят обо мне в вашей компании, не составляет и десятой доли того, что говорили в Торговом предприятии Гё.

— В чем ваша цель, госпожа Лоттар? К чему вы стремитесь?

— К независимости, — ответила она. — Однажды я стану такой богатой, что пошлю весь этот мир к чертовой матери. И таких, как вы, в первую очередь.

— Это каких? — ухмыльнулся Кристиан.

Ему импонировала ее прямота.

Это позволяло и самому не слишком церемониться.

— Таких, кто родился с серебряной ложкой во рту. Господин Гё, по крайней мере, всего в жизни добился сам.

— Я переживу сравнение в пользу покойника.

Лоттар закрыла окно и оглянулась на него.

— Но до тех пор я буду вашим верным союзником, — заверила она с легкой улыбкой. — Хочу заметить, что мелкие уколы вроде пыльного кабинета или подчинения вашим детям меня мало тревожат. Вам придется изрядно потрудиться, чтобы и в этом не проиграть сравнение с покойником.

Кристиан от души расхохотался.

— Что же, госпожа Лоттар, давайте поговорим о фонде, который я вам предоставляю, — с удовольствием сказал он. — Для начала я намерен выдать вам десять тысяч гульденов.

Ее брови взметнулись вверх, и в глазах вспыхнул охотничий азарт.

— Я начинала с двух гульденов в неделю, — заявила Лоттар с усмешкой. — Теперь посмотрим, куда нас заведет это приключение.

Смесь возбуждения и холодного расчета на ее лице показалась Кристиану обворожительной и отталкивающей одновременно.

Чтобы понимать, что происходит в городе, Эльзе требовалось не просто много информации, а очень много информации. Приходилось учитывать все — отношения

в семьях интересующих ее компаний, их личные финансы, погоду, моду, любовников и любовниц, ситуацию на рынке, урожай или неурожай в провинциях, сплетни, открытие новых лавок и магазинов или закрытие старых.

После того как она перестала сама болтаться в порту, на базарах и торговой бирже, Эльза начала создавать свою сеть информаторов. Она даже приплачивала владельцам некоторых борделей за то, чтобы шлюхи задавали определенные вопросы некоторым клиентам.

Господин Гё поначалу насмеялся над подобной тактикой, но со временем начал признавать за ней пользу.

Признал он и то, что Эльза способна сплести все данные воедино и сделать довольно верные выводы и прогнозы. Он говорил, что у нее голова устроена как осьминог. Щупальца тянутся во все стороны.

Немало Эльзу выручали и хорошая память, и любовь к деталям, и нечеловеческая въедливость.

50

И хотя время от времени ее постигали неудачи — иногда довольно сокрушительные, — Эльза не унывала и не складывала все яйца в одну корзину. Только дважды она ставила все, чем владела, но в обоих случаях этому предшествовала очень тщательная подготовка.

Покупка банковских акций была одним из этих случаев. Тогда Эльзе пришлось ввязаться в долги, а Ганс выпрашивал займы медяки у всех выходцев из приюта, у которых и без того в карманах гулял ветер. Но иногда и от бедняков бывает польза. Если, конечно, их наберется достаточно много.

Они едва-едва собрали нужную сумму, но Эльзе и в голову бы не пришло просить денег у господина Гё.

Достаточно того, что она прикрылась его именем перед акционерами. Впрочем, его только позабавило это пускание пыли в глаза.

Распознавшись с господином Эрре, который, как оказалось, развлекал себя ребячливым подслушиванием, Эль-

за позвала Ганса и дала ему ряд заданий. Он прекрасно курировал всех информаторов и легко находил общий язык со всякими контрабандистами и прочим сомнительным сбродом, обращаться к которым богачам и в голову бы не пришло.

Уткнувшись в бумаги, Эльза отрешилась от всего мира, когда в дверь ее кабинета снова постучали.

— Да это же проходной двор, — удивилась она и обнаружила за порогом мальчика-посыльного с короткой запиской от некой госпожи Фабер, хозяйки магазина готового платья. Она просила срочно прийти к ней, поскольку дело касается Хельги Эрре.

На вчерашнем обеде девочка выглядела так, будто глубоко презирает Эльзу, и оставалось надеяться, что этот неожиданный вызов не был связан с необходимостью нести шляпные коробки или что-нибудь в этом роде.

Эльзе не слишком хотелось покидать компанию без сопровождения, но она сама отослала Ганса, а обращаться за помощью к господину Эрре казалось обременительным.

За годы работы на Абельхарда Гё Эльза выяснила о Кристиане Эрре все. Он содержал красоту-танцовщицу, никогда не посещал борделей, а дела вел осторожно, предпочитая не рисковать понапрасну. В то же время он ввел ряд необычных новшеств, что говорило о широте его взглядов.

Она знала мельчайшие подробности его биографии, но понятия не имела, что же представляет собой этот человек. Склонен ли он к жестокости, порокам, хитрости и лжи? Или просто осторожен, как все дельцы?

«Жизнь — это череда компромиссов», — рассуждала Эльза, покидая компанию Эрре. Она торопливо взяла экипаж и направилась по указанному в записке адресу, но заплатила вознице, чтобы он зашел с ней внутрь во избежание возможной ловушки.

Однако внутри магазина было лишь несколько продавщиц, бледная, но с вызывающим видом Хельга Эрре и госпожа Фабер, с которой Эльза, разумеется, уже была знакома — как и с многими другими торговцами города.

— Эльза, дорогуша, — на правах старушки госпожа Фабер позволяла себе некоторые вольности, — как я рада вас видеть. Там, где вы, всегда порядок. Редкое свойство для столь юных девиц. Я так сочувствую вашей потере. На таких, как Абельхард, стоит этот город.

— Так что у вас здесь случилось? — не желая поддаваться чужому многословию, скупно спросила Эльза.

Госпожу Фабер такая сухость ничуть не обидела.

— Эта девочка пыталась меня обворовать, — шепнула она. — Я уж думала вызвать полисмена, но она сказала, что вы можете за нее поручиться. Я очень удивилась такому повороту в вашей судьбе — быстро вы сменили окраску, моя дорогая. Нет-нет, я вас вовсе не осуждаю. В наше время хочешь жить — умей быть гибкой.

— Я известна своей гибкостью, моя госпожа, — с усмешкой ответила Эльза. — Полагаю, деньги нам тут не помогут. Что я могу для вас сделать?

— Заказ на пошив одежды для продавщиц компании Эрре меня бы очень обрадовал, моя дорогая.

— Эта девочка того не стоит, — холодно возразила Эльза. Хельга посмотрела на нее с откровенной ненавистью.

— Ах, что вы говорите! — воскликнула госпожа Фабер. — Единственная дочь Кристиана Эрре!

— Между нами говоря, он даже не живет с ее матерью. — Теперь Хельга пошла красными пятнами.

— И не напоминайте, такой скандал!

— Госпожа Фабер, один магазин, но самый доходный. Это все, что я могу вам предложить.

Эльза вовсе не была уверена, что Эрре позволит ей и это. Но признаваться в том, какое ничтожное влияние

она на него имеет, было невыгодно — госпожа Фабер была отъявленной сплетницей.

— Ах, девочка, узнаю науку Абельхарда. Вы не намерены попусту расстаться ни с одной монеткой, правда? — рассмеялась хозяйка магазина.

— Правда, — согласилась Эльза. — Я как цепной пес, охраняющий капиталы своих нанимателей.

— Как бы я хотела рассказать о вашей подлости папе, — прошипела Хельга, когда они покинули магазин.

Угрюмый возница топтался за их спинами.

— Хотите чаю с пирожными, моя госпожа? — вежливо спросила ее Эльза.

Анна приучила ее к тому, что дочери хозяев то и дело отвечают неблагодарностью на добро.

— Как вы посмели сказать такое про маму!

— Значит, я провожу вас домой.

Хельга мрачно уставилась на нее:

— Вы даже не спросите, почему я так поступила? Не прочитаете мне нотацию?

— Мне нет никакого дела до вашего поведения, — пожалала плечами Эльза. — Полагаю, вашим воспитанием заняты ваши родители. Именно поэтому вы отправили за мной, а не за ними — чтобы избежать нотаций.

— Моим родителям нет до меня никакого дела!

— Однако это вовсе не повод попадать в неприятности, не так ли? В неприятностях нет ничего хорошего — одни нервы и хлопоты. Я бы на вашем месте заняла свое время чем-то более интересным.

— Это, например, чем?

Эльза задумалась. Она понятия не имела, чем можно заполнить детство, если не приходится выживать и работать.

— Не знаю, — искренне произнесла она, хмурясь. — Как проводят время девочки вашего положения? За музицированием? Вышивкой?

Хельга презрительно скривила губы.

— Если уж вы так хотите сделать карьеру воришки, — добавила Эльза, — то я могу вас познакомить с профессионалами. Это никуда не годится — быть пойманной на краже чулок, которые вам даже не нужны.

Хельга, открыв рот, уставилась на нее:

— Господи боже, где папа вас раскопал?

ГЛАВА 6

Кристиан не стал предупреждать Анну Гё о своем визите, поскольку был уверен, что она его в любом случае примет.

Так и случилось.

Она появилась в гостиной довольно быстро, строгая, облаченная в черное, красивая и в то же время лишенная той силы духа, которым был славен ее чертов папаша.

54

— Господин Эрре, — произнесла Анна с печальной, приличествующей трауру улыбкой, — ваш визит не удивил меня. Я так и думала, что вы захотите поговорить с кем-то из нашей семьи. Правда, обычно мужчины предпочитают иметь дело с мужчинами.

— Мне показалось, что вы близки с госпожой Лоттар.

Она усмехнулась:

— Это лишь свидетельствует о том, сколь мало вы ее знаете. Так что же, вы хотите рекомендаций? Это лучше к Корблу. Он едва не выдрал себе последние волосы, когда мои братья рассчитали Эльзу.

— Госпожа Лоттар не нуждается в рекомендациях, — равнодушно ответил Кристиан, — но у меня есть вопросы.

— Разумеется, они у вас есть, — с легкой иронией протянула Анна. — Но неужели Эльза настолько ценный сотрудник, чтобы вы задавали их лично?

— Это потому, что вопросы мои как раз носят личный характер.

— Вот как, — с явным удивлением проговорила Анна и при этом явно занервничала.

— Какой вред вы причинили госпоже Лоттар в прошлом? — напрямик спросил Кристиан. Он порой предпочитал бестактность — это приводило его собеседников в растерянность. Особенно дам, привыкших к лицемерной вежливости в обществе, и Лоттар с ее тяжеловесной прямоотой приятно отличалась от многих, с кем Кристиан водил знакомство.

— Как вы смеете, — лицо Анны пошло безобразными пятнами. — С чего вы взяли... Это было трагическое стечение обстоятельств! Неудачная шутка. В любом случае все обошлось, а замужество Эльзе и без того не светило... А что теперь она и не выйдет, так невелика потеря... Это не ваше дело, господин Эрре, — спохватилась Анна, — вы хотели узнать о деловых качествах Эльзы? Она ответственная и честная, никогда не укусит руку, которая ее кормит. А теперь прошу оставить меня в моем горе.

Вышел Кристиан из этого дома в глубокой задумчивости.

Что Анна могла сделать Лоттар такого, чтобы навечно оставить ее в старых девах?

Не успел Кристиан покинуть экипаж, который остановился возле его компании, как столкнулся с самой Лоттар. К его удивлению, она была без телохранителя.

— Вы куда-то выходили? — холодно спросил Кристиан.

— Да, у меня были дела в городе.

— Послушайте, госпожа Лоттар, — раздраженно проворчал Кристиан, — я вам плачу вовсе не за то, чтобы вы разгуливали неизвестно где среди бела дня.

— Не беспокойтесь об этом, — невозмутимо откликнулась Лоттар.

Ее наглость просто не имела пределов. Кристиан открыл было рот, чтобы дать ей отповедь, но в эту минуту ко входу в компанию подошел посыльный с траурным венком.

— Это еще что? — неприятно поразился Кристиан, увидев на черных лентах собственное имя.

— Здесь записка, — со смешком заметила Лоттар. — Как необычно — писать покойнику.

— Вы находите это забавным? — рассердился Кристиан.

— Кажется, вы скорее живы, чем нет. — Лоттар развернула записку и присвистнула, словно уличный мальчишка.

— Что там? — поторопил ее Кристиан.

— В смерти Кристиана Эрре прошу винить Эльзу Лоттар, — прочитала она весело.

— Что за дьявол?

— Это угроза, господин Эрре, — любезно подсказала Лоттар.

— Да неужели? — язвительно процедил Кристиан. — Собираетесь меня прикончить?

— Я бы, — в ее голосе проступила надменность, — не стала уведомлять вас заранее.

— Разберитесь с этим, — недовольно велел Кристиан. — Жду вас вечером в своем кабинете.

Лоттар коротко кивнула.

Остаток дня был съеден обычными хлопотами. Кристиан съездил в порт, чтобы лично проследить за прибытием груза. Потом заехал на склад к возможному поставщику — обговорить детали сотрудничества. В компанию он вернулся уже после того, как контора начала пустеть, и застал Лоттар в приемной. Она сосредоточенно изучала газеты трехлетней давности.

— Немного отстали от жизни? — съехидничал он, нависая над ней. Она подняла к нему голову — черты ее лица были резкими и простоватыми. Ни вздернутого носика, ни игривых веснушек или завитушек — ничего фривольного.

Катарина уже ушла — по понедельникам у нее были дела вне конторы, — и на этаже они были вдвоем, если не считать телохранителя Лоттар, маячившего у двери.

— Подумываю выкупить дело семьи Леманн, у них лавки с пряностями, — ответила Лоттар, — но точно помню, что несколько лет назад с этим семейством был какой-то скандал.

— Для чего вам пряные лавки? Прибыли от них немного, а хлопот достаточно.

— Поговаривают, что правитель Канагаи Бенедикт III собирается пересмотреть торговые отношения с нашей страной. Можно попробовать стать единственным поставщиком канагайских пряностей в городе.

— Канагая? — нахмурился Кристиан. — Крохотная страна на Востоке, где культ святой Гиацинты?

— Выдающаяся была женщина, — кивнула Лоттар и вернулась к газетам. — Что же было не так с Леманнами?

— Вы узнали, кто прислал мне похоронный венок? — перебил ее Кристиан.

— Загадочная дама в густой вуали. Венок был куплен в похоронной конторе «Роскошное прощание» — если вас это утешит, то там весьма дорого. Ваш недоброжелатель на вас не экономит. О том, что я перешла к вам на службу, знают только дети господина Гё и ваши служащие. Но наследники об этом были уведомлены еще в субботу, а здесь я была представлена лишь этим утром.

— Как вы уведомили Гё?

— Написала Корблу, мы с ним в некотором роде пристраиваем. Среди тех, кто на вас работает, сегодня днем

никто не покидал компанию. Катарина, Дитмар Лонге и Конрад Браун отправляли с поручениями посыльных. Катарина покупала цветы и драгоценности для госпожи Адель, у нее сегодня премьера в театре. Лонге и Браун передавали ежедневные распоряжения в лавки и магазины. Все посыльные найдены и расспрошены. Все они отрицают, что были какие-то записки сверх того, что я назвала.

— Вы многое успели, госпожа Лоттар, — признал Кристиан.

— Это Ганс, — она махнула рукой в сторону телохранителя, — у него великий дар убеждения. Люди всегда отвечают на его вопросы.

— За что старик Гё вышвырнул его из дома?

Лоттар снова на него посмотрела.

Казалось, она раздумывала над ответом.

— За то, — ответила она неспешно, — что Ганс поднял руку на старшего сына господина Гё, Колмана.

58

— Даже так?

Кристиан оглянулся на телохранителя. С таким видом, будто разговор его вообще не касался, он разглядывал портрет Берты на стене.

— Ганс очень предан мне, — пояснила Лоттар, — он с трудом переносит, когда меня обижают.

— В таком случае вам повезло. Преданность в наше время дорого стоит, — нейтрально проговорил Кристиан, а Лоттар воскликнула:

— О, вот оно! Госпожа Саттон обвинила Леманнов в том, что их пряности ненадлежащего качества. Якобы это испортило ее прием.

Лоттар проворно и без всякого смущения выдрала нужную ей страницу, сграбастала кипу газет в охапку и встала.

— Если я вам больше не нужна сегодня... — начала она, и тут в приемную вбежал какой-то мальчик в наряде театрального служащего.

— Господин Эрре, — воскликнул он, — скандал! Госпожа Адель отказывается выходить на сцену.

Кристиан взглянул на часы — шесть с четвертью. До начала спектакля оставалось меньше часа.

— С чего бы вдруг ей отказываться?

— Мы ставим «Фабиану», — выпалил мальчик, — в последнем акте героиня появляется простоволосой, босой и в ночной рубашке. Но госпожа Адель не желает предстать перед зрителями без прически, платья и туфель.

— Никто не ходит топиться в туфлях и прическе, — вдруг заявил Ганс. Это было впервые, когда он заговорил. Кристиан смерил телохранителя внимательным взглядом — ничто не выдавало в нем завязанного театрала.

— Госпожа Лоттар, за мной, — велел Кристиан. Та снова уронила газеты на столик и с явной неохотой подчинилась.

59

— Я ничего не смыслю в театре, — пояснила Лоттар в экипаже, — никогда в жизни там не была.

— Понятное дело. Корбл однажды мне сказал, что вы для дела, а не веселья. По мне, так довольно безжалостно.

— Но это правда, — в ее голосе звучали едва не жалобные нотки.

— Отчего вы так взволнованы, госпожа Лоттар?

— Оттого, что в области искусства я не являюсь компетентной, это лишает меня опоры.

Кристиан, скрестив руки на груди, откинулся на сиденье.

Во взволнованной Лоттар проступало что-то трогательное.

— Не нужно разбираться в искусстве, чтобы образумить одну капризную особу, — пожал он плечами. —

Адель пытается меня разозлить ровно в той степени, чтобы я вернулся к Берте, но не оставил ее без содержания.

— Если вы знаете, чего она добивается, то почему не идете навстречу?

— Потому что я никогда не делаю того, чего от меня ждут.

Лоттар улыбнулась ему с пониманием.

— Откуда вы знакомы с этим Гансом? — спросил Кристиан.

— Он был воспитанником приюта, которому господин Гё оказывал помощь.

— Никогда бы не подумал, что старикан способен к благотворительности, — удивился Кристиан.

— Да, — рассеянно согласилась Лоттар, — это не в его стиле. Я долго размышляла об этом — возможно, здесь было что-то личное. Возможно, он сам рос в подобном приюте.

60

— Значит, Ганс — сирота, — сказал Кристиан. — Люди, не знающие собственных корней, не способны к глубокой привязанности и не отличаются особой порядочностью, имейте это в виду. У них нет чувства долга и ответственности. Посмотрите на старика Гё — ему было безразлично, что станет с Торговым предприятием после его смерти. Он не подготовил сыновей и не приучил их к делу.

Лоттар, склонив голову набок, непроницаемо смотрела на Кристиан.

— Спасибо за предупреждение, — ровно сказала она. — Я учту ваше мнение.

В театре стоял переполох.

Кристиан уверенно провел Лоттар узким коридором, миновав толпящихся актеров, и вошел в гримерку Адель.

Хозяин театра, Монморанс, встретил его едва не со слезами.

— Господин Эрре, — вскричал он пылко, — это невозможно, невозможно! Фабиана в туфлях — это преступление против драматургии.

— Ступайте, выпейте чаю, — посоветовал Кристиан и приблизился к Адели.

Она сидела перед трюмо — вызывающая, упрямая, злая.

— И чего ты добиваешься? — спросил Кристиан. — Хочешь вернуться в варьете?

— Если бы ты ценил меня, — зло ответила Адель, — и давал Монморансу достаточно денег, то Фабиана могла бы топиться хоть в монашеской рясе, хоть в бальном платье. Тогда бы все видели, что я имею значение. Это бы производило впечатление. А ты же...

И ее лицо скривилось от такого отвращения, что Кристиан понял: с него довольно.

Он слишком затянул эту докучливую связь, желая избежать новых скандалов.

Но Адель не умела без скандалов.

— То есть, — сухо проговорил Кристиан, — я должен платить Монморансу больше, лишь бы ты не покинула меня? Дорогая, ты столько не стоишь.

— Вот ты и показал свое истинное лицо! — с гневом вскричала Адель. — Я надоела тебе много лет назад, Кристиан, ты холоден, будто рыба. Ни пыла, ни огня, ни страсти!

Адель была столь нелепа в этой пафосной трагичности, что Кристиан не удержался от смеха.

— Я холодный делец, моя дорогая, и ты об этом прекрасно осведомлена. Если тебе нужны пылакие любвеобильные донжуаны, сошедшие со страниц пошлых женских романов, то ты напрасно потратила на меня столько лет... Госпожа Лоттар!

— Да, господин Эрре? — спокойно отозвалась она.

— Найдите Монморанса, предложите ему столько, сколько потребуется.

— Да, господин Эрре.

Адель удовлетворенно улыбнулась, однако хищной ярости в ее глазах не убавилось. И тогда Кристиан окончательно все для себя решил.

— После этого проследите, чтобы Адель покинула мой дом.

— Ты не посмеешь... — побледнев, прошипела Адель. Вероятно, она думала, что ей все сойдет с рук.

— Госпожа Лоттар! — закричал Кристиан, взбешенный сверх всякой меры. — Решите это дело сегодня же.

— Я прослежу за всем, — заверила его Лоттар и вышла из гримерки.

Кристиан прошелся туда-сюда, восстанавливая душевное равновесие.

— Неужели нельзя было обойтись без ненужной театральщины? — спросил он утомленно.

Адель дрожала от бешенства, но ее гордость не давала ей пойти на попятный.

— Ты заслужил все это, — с презрением бросила она.

— Я ненавижу сцены. Как ты посмела такое устроить!

— Кристиан, я актриса. Мне необходимо...

Он не стал ее слушать дальше — молча ушел, аккуратно закрыв за собой дверь.

В клубе, где Кристиан методично напивался, играя в карты, Лоттар появилась после полуночи. В невзрачном сером платье она не выглядела здесь неуместно — ничего дерзкого, ничего яркого. Сливалась со строгой обстановкой и костюмами членов клуба.

Ганс, очевидно, остался у входа.

— Это мужской клуб, госпожа Лоттар, — развеселился Кристиан, вставая из-за стола, — партия как раз закончилась. Она мельком посмотрела на карты, но не стала никак комментировать проигрыш своего нанимателя.